

Армянские записи

* * *

До простых вещей тут жизнь растёрта.
Я точу глаза о красный камень.
Тут пейзажи в стиле натюрморта,
как любил седой французский парень,

рисовавший гору-гору-гору
каждый день, как делают зарядку.
Разве это вдохновенье? Впору
оторвать ненужную заплатку.

Пусть уж плоть откроется на язве.
По уму, наитью, волшебству ли —
как всё это делается разве
так уж важно, если существует?

Об отце мы скажем и о сыне,
а о духе что за разговоры.
Ехала машина по равнине
и пропала, потому что горы.

* * *

Непроделанная дорога как незажившая рана.
Или словно спишь и тебя позвали.
Просыпаешься где-то в снегах Севана,
на продавленном облаками перевале,

на подмёрзшем шоссе на пути в Тбилиси.
Говоришь: взбодришь, нестарое сердце!
Для того ли наставлены эти выси,
чтобы можно было на них согреться?

Для того ли всё утро звенел будильник,
чтоб теперь возвращаться в песочный город,
в одноместный номер, включать холодильник...
Ну а холод что? Да и где не холод.

Знаешь сам, что дело совсем не в Тбилиси.
В том, что дальше, где мечется тень лосихи
и хоронит лис целый выводок лисий
в придорожных зарослях облепихи.

Знаешь сам, где родина, там непросто.
Подними же дубовый листок лежалый.
Есть на озере остров, разжалованный в полуостров.
Вот туда бы пойти, пожалуй.

Татев

Расскажу о Корлеоне доне.
Осенью идёт на нерест рыба.
Я ж заночевал в армянском доме,
не дойдя немного до обрыва.

Днём по склонам собирал орехи,
возле нор растягивался лисьих,
наблюдал, как убегают реки,
умыкая золотишко листьев.

Вечером мы пили с армянином.
Водку звали «Белая дорога».
Две бутылки, почивайте с миром,
на двоих не так уж это много.

Было у хозяина три сына.
Был он по профессии строитель.
И мечтал: вот это будет сила,
если трое станут как родитель.

Приберут к рукам завод бетонный —
сильные, сплочённые мужчины —
и с горы своей во все районы
будут слать гружёные машины.

Но завод разрушен и оставлен.
Нет, не ими — дух его покинул.
Двое сыновей под Ярославлем,
третий и совсем куда-то сгинул.

Может быть, я всё это придумал?
Разговор наш, в общем, был молчаньем.
А жена его несла долму нам,
робко поторапливала с чаем.

Но, шатаясь, как морские птицы,
шли курить мы на террасу сада.
К нам тянулись из тумана кисти
чёрного, как звёзды, винограда.

И в ночи, наполнившеюся стоном
шестерён, затянутых нестрога,
шли машины, полные бетоном,
и светилась белая дорога.

* * *

Мне не хватает тебя — это странно
произносить. Не веришь? Попробуй.
Словно одна сторона моя рана,
ну, не рана, допустим, а прорубь.
То глядит в неё брошенная невеста,
то ловец забрасывает наживку.
Не моё, отчуждённое это место,
на него так и тянет нашить нашивку —
род занятий, награды, должность;
залепить зиянье банковским чеком,
как последняя — бессмысленная — возможность
выглядеть человеком.

Французская тетрадь

* * *

Отключает город свои позывные.
Раскрошились графитовые соборы.
Семь столетий горгульи на стенах выли,
а теперь опять вдохнули свободы.

Зажигают костры над родной трясиной,
тянут слизь, охотятся за голубями.
А одна проехала в очень красивой
красной машине, покачивая губами.

Но осталась Европа в тенистых парках.
На дорожке бегунья, на лавочке два педераста.
И мелькает жизнь в неожиданных подарках.
Пусть не белочка — крыса, а всё ж прекрасно.

* * *

На заброшенном железнодорожном вокзале,
между морем и сложной системой шлюзов,
на таком пяточке, если б только знали,
сколько минусов здесь и как мало плюсов,

я бы прожил жизнь. Выходил с утра до ветра.
Ветра много тут. Честно сказать, то, кроме
ветра, мало тут есть чего — чайки, ржавая ветка
дороги в курортный город в скальном проёме.

Почему полюбил это место? Ты сидела со мною.
У тебя голова разболелась или желудок, скорее.
И я нёс по мосткам, а волна поднималась стеною,
пузырёк с лекарством от диареи.

Авиньон

Влажное что-то — это губы твои?
Слеп я всегда, а сегодня
как-то особенно. Ты затвори
ставни, пылает субботний
день, колокольный слышится звон —
это из церкви Пенитон Гри

скорбный любовный стон
или платаны скрипят... Повтори,
как говоришь ты, как говоришь.
Что говоришь — мне не нужно
знать, лишь дрожание губ и век
в тёмной, как волосы, жизни, где лишь
с тобой навсегда я хотел, но снаружи
всё-таки пусть будет свет.

* * *

Почему-то одна ты переходишь реку.
На другом берегу каменная отмель.
Тут ты сбрасываешь рюкзак, поднимаешь руку,
всё в порядке, мол, всё прекрасно... Вот ведь —

словно я и не знал, словно не я привел тебя в этот
дикий край. Хорошо. Давай поиграем: я умер.
Шелестят деревья, капли срываются с веток...
Словно я и не знал, словно не я надоумил

взять рюкзак, спортивную обувь с мягкой
нескользящей подошвой... Ноги не промочила?!
Я поднимаю голову: кружит пчела над мятой,
холм, река течёт медленно и молчаливо.

солнце Аквитании

не я отбрасываю тень на эту стену
а колокольня за моей спиною